

А. А. Пелипенко

КУЛЬТУРА В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНОЙ ЭВОЛЮЦИИ

Для широко понимаемого современного неозоолоционизма характерно постулирование, в различной акцентуации и терминологии, **неких глобальных эволюционных векторов** (в авторской аббревиатуре — ГЭВ). Эти вектора связаны с последовательным наращиванием, от системы к системе, таких качеств: сложность; морфологическая, структурная и функциональная дифференцированность; уплотнение эволюционного фронта; субъектность.

Для исследования проблематики «региональных онтологий» и «средних уровней» конкретности, постулирование ГЭВ как некоей априорной данности вполне операбельно. Но эссенциалистские рефлексы сознания тотчас же подбрасывают сакраментальный вопрос: откуда взялись ГЭВ и куда они направлены? И пока на этот вопрос не будет дан хотя бы формальный ответ, сознание не отделается от навязчивого ощущения «подвешенности» концепции. Проще всего было бы признать, что в невозможности ответить на этот вопрос нет ничего зазорного. Стоит ли в очередной раз искать в пределах нашего умственного и языкового горизонта точку, в которую удобно вбить гвоздик метафизического предела и подвесить на нем Вселенную? Тем более что неразрешимость метафизических вопросов нисколько не мешает культурологической мысли заниматься вполне конкретными и достаточно важными вещами.

И все же дадим ответ на поставленный вопрос: ГЭВ представляют собой частный случай интенциональности, действующей не на локальном (не в квантовом, а в общепринятом значении этого слова), а на глобальном уровне. Если противоборство интегративного и дезинтегративного¹ начал во Вселенной определяют не только ее внутренние, вложенные ритмы, но и внешний, глобальный Большой ритм, регулирующий ее расширение и «схлопывание», то допустимо предположить, что имманентной целью эволюции является **снятие времени и пространства**, посредством которого завершается такт *Большого ритма*, который охватывает существование Вселенной. Впрочем, учитывая гетерогенность Вселенной, масштабы которой еще далеко не определены, метафизичность последнего утверждения можно смягчить, предположив, что Большой ритм разворачивания и схлопывания действует не в масштабе всей Вселенной, но лишь в тех или иных ее локусах (например в Метагалактике), в одном из которых мы имеем счастье обитать. Однако никакого практического значения эта оговорка не имеет. Представляя собой некое промежуточное звено в общеэволюционной пирамиде, человеческий разум может строить концепции метасистемной телеологии лишь чисто спекулятивно и в весьма скромных эпистемологических пределах. С этой точки зрения утверждения о наличии общеэволюционной телеологии или утверждения об отсутствии таковой — в равной степени абстрактны и сами по себе несодержательны. А если принять позицию, согласно которой возникновение Вселенной не было продиктовано необходимостью, явилось результатом некоей «игры» или случайной флуктуации, то «телеологический вопрос»

¹ Согласно данным современной астрофизики, дезинтегрирующая сила порождается антигравитационным полем, которое обаяно своим существованием так называемому «темному веществу» и «темной энергии». См. напр. : Мичио Каку. Параллельные миры. Об устройстве мироздания, высших измерениях и будущем Космоса. Киев: СОФИЯ, 2008. С. 26.

обесмысливается окончательно. Иное дело, что телеологизм, навязывающий эволюции некую познаваемую человеком конечную цель, уводит целый ряд вопросов в тень квазирелигиозного априоризма. Та же позиция, которая исходит из того, что у эволюции нет цели, а есть лишь направленность², представляется не только менее мифологичной, но и более эвристичной.

Эволюция, таким образом, предстает как процесс фазовых системных преобразований, конфигурирующих реальность по «генеральной линии» локальность — нелокальность (холономность). Иными словами, эволюция в самом общем смысле — есть проявленная динамика «внутреннего» пульса Вселенной, стремящегося завершить свой большой такт. Причем образ завершения здесь совершенно не обязательно представлять в привычной финалистской оптике: оно вполне может выглядеть и как бесконечное приближение к некоей точке X. Впрочем, для культуры как некоего промежуточного звена на этом пути данная проблема опять же практического значения не имеет. В любом случае, *finitum non est sara infiniti* (Конечное не способно воспринять бесконечное). Неважно от чего погибнет Вселенная: от жары или от холода. Растащат ли силы «темного вещества» (силы отталкивания) галактики на критическое расстояние, или верх возьмут силы «схлопывания». Важно что, подтверждая идею противоборства интегративного и дезинтегративного начал, столкновение этих тенденций происходит и так или иначе приведет Вселенную к прекращению ее существования по крайней мере в том виде, в каком мы привыкли ее наблюдать и представлять.

Итак, ГЭВ представляются не как пучок разрозненных и самопричинных сил, а как аспекты единой глобальной **эволюционной интенции**, раскрывающейся в разных модусах. При этом, проявляясь в каждой локальной системе как нечто ей *трансцендентное*, эта интенция всякий раз обнаруживает себя через свои вполне *имманентные* факторы и обстоятельства.

Рассмотрим вкратце означенные названные эволюционные векторы/аспекты.

Сложность. Рассуждения о том, что среда сама по себе стимулирует усложнение форм жизни (к эволюции неживых систем это, впрочем, тоже относится), без пояснения того, о каких конкретно компонентах среды идет речь, в каком направлении сама эта среда эволюционирует и каков характер прямых и обратных взаимодействий между средой и рассматриваемой формой, бессмысленны. Среда в этом случае предстает как некое самопричинное и мистифицированное начало, односторонне, с фаталистической непреложностью воздействующее на форму. Попытки преодолеть такой механицизм предпринимаются, в частности, в коэволюционной теории и ряде других современных эволюционных теорий.

Я предлагаю для этого свой подход. Даже если не вдаваться в различия между синергетическим и общепринятым пониманием *сложности*, нетрудно убедиться, что само эпигенетическое надстраивание новой системы над предшествующей и хотя бы частичный их синтез в зоне эволюционного фронта создают конфигурацию более сложную, нежели первоначальная.

Употребление терминов *эпигенез* в нашем контексте требует некоторого пояснения. Речь идет не столько о философской традиции их употребления, восходящей еще к аристотелевским представлениям о самозарождении организмов, не о борьбе эпигенетиков и преформистов в философии, биологии и даже не о современном социобиологическом дискурсе, в русле которого вырабатываются два уровня эпигенетических правил. В смыслогенетической теории эпигенез связывается с межсистемной трансляцией и наследованием комплексного биокультурного опыта, снятого (в гегелевском смысле) в ряду качественных преобразований систем и опосредованного первичными элементарными конструкциями — «кирпичиками», «клеточным материалом» тела культуры. Эти кирпичики — суть первичные *смысловые конструкции*, передаваемые в процессе инкультурации и опосредуемые семантическими формами конкретной культурной традиции. Последнее особенно важно, поскольку, представив культуру как особым образом организованную

² Позиция эта отнюдь не является изобретением автора этих строк. Она достаточно широко представлена в современных эволюционных теориях.

информационную систему (как это часто делают), весьма затруднительно выявить предельную информационную «единицу» культуры в русле социобиологии, антропологии, информатики или генно-культурных теорий. В этой связи вспоминаются почти курьезные *мемы* Р. Докинза.

Смыслогенетическая теория, в свою очередь, заявляет, что такой единицей является *смысл*. А эпигенез движется вглубь от археологии смысла, уходящего корнями в многослойную толщу биологической памяти. И это только начало движения.

Чем выше порог сложности системы, тем большее сопротивление он встречает со стороны ее стабилизирующих сил. Эти силы стремятся завершить процесс эволюции на уровне каждой локальной структуры, которая «не знает», что она не есть последняя форма бытия. Они стремятся превратить всякую локальную систему (структуру) в завершающую коду вселенского танца энергий. Глубинный «витальный рефлекс» всякой локальной структуры — остановить собою динамику изменений «здесь, теперь и так», затормозить процесс эволюционирования, будто никаких эволюционных процессов большего масштаба не существует (о рефлектирующей и моделирующей способности человеческого интеллекта — разговор особый). Но на локальном уровне завершаются лишь локальные ритмы, регулирующие становление, соответственно, локальных структур и систем. Процесс эволюционного усложнения идет дальше, и «рефлекс остановки» переходит на следующие уровни. Стабилизация уровня сложности³ наряду с прогрессивными ароморфозами (увеличением уровня сложности) и регрессивными процессами имеет место как в биосистеме, так и в АС, что часто упускается из виду в гуманитарных исследованиях.

Разумеется, речь идет об *упорядоченной*, т. е. структурно организованной сложности — беспорядочное усложнение критерием эволюционного уровня не является. Такой хаотичной сложностью система прежде всего и жертвует, проводя «расчистку» подсистем.

Здесь, конечно, напрашивается вопрос: в чем причина усложнения и зачем оно нужно? Глядя изнутри системы, можно удовлетвориться ответом: это борьба с энтропией, повышение жизнеспособности, гибкости и реактивности системы. Но ведь вектор усложнения трансцендентен каждой отдельно взятой системе, и, стало быть, сквозную транссистемную интенцию к усложнению ими одними не объяснить. Всякие оформившиеся структуры локальных уровней всегда и всячески сопротивляются эволюционному усложнению — ведь сравнение в понятиях *лучше* и *хуже* невозможно, поскольку эволюционные преимущества более сложных систем всегда относительны и проявляются постепенно.

В биологии простые формы оказываются во многих случаях более адаптивны, чем сложные, да и в культуре сложность организации как отдельных образований, так и целых социально-исторических систем вовсе не дает гарантий их выживания и успешного ответа на различного рода вызовы. Думается, что трансцендентность вектора усложнения обусловлена тем, что сложность структуры пропорциональна скоростям протекающих в ней процессов. Ведь чем выше уровень сложности, тем выше скорости внутренних взаимодействий⁴. А ускорение процессов — показатель сжатия времени, на глобальном уровне стремящегося к своему снятию. В этом смысле каждая локальная система живет в своем внутренне ускоряющемся по ходу эволюционных итераций темпоре. Так, вектор усложнения устремляется к возврату (на новом, разумеется, уровне) в состоянии не-длительности. Даже если сжатие времени и не достигает (никогда не достигнет?) метафизической точки снятия, а просто стремится к бесконечности, то и этого достаточно, чтобы служить глобальным трендом эволюционного усложнения форм и систем. Стремление доводить все до логического конца — в данном случае до финализма

³ Применительно к живым системам эта тенденция была названа *идеоадаптацией*. В биологии идеоадаптация не сказывается на общем уровне организации группы, а в культурных системах — представляет собой консервативное «замораживание» эволюционного усложнения во имя стабилизации системы — нежелание и неспособность менять образ жизни, структуру ценностей, уклад хозяйства и т. п.

⁴ Отмеченное еще Г. Спенсером ускорение эволюции продолжает обсуждаться разными авторами.

квазигегелевского толка — въевшаяся в подсознание привычка, выработанная рационалистическим логицизмом. Однако сама действительность никаких «логических концов», как правило, не приемлет. Так, результатом «критического» уплотнения времени может стать растворение каузальности в когерентности, преодоление необратимости времени и т. п.

Главное эволюционное преимущество, которое нарастающая сложность дает новообразованным системам, — это выведение их в иной по отношению к материнской системе темпомир, что, в свою очередь, ослабляет их зависимость от последней. Внутренняя динамика как плотность процессов на единицу времени в новообразованной системе *на порядки* выше, чем в системе материнской. Следовательно, вероятность получения внешних деструктивных импульсов из этого «фонового» и «замедленного» мира резко снижается. Так, зависимость биосистемы от геофизической и геохимической систем Земли меньше, чем зависимость последней от событий в солнечной системе, но больше, чем зависимость культуры от биосистемы. Так вектор сложности сопрягается с вектором самости и наращивания субъектности.

Если в глобальном масштабе общая тенденция к наращиванию уровня сложности достаточно очевидна, то применительно к культурно-исторической эволюции требуются некоторые оговорки. Сталкиваясь с нелинейностью культурно-исторического развития, исследователи задают вопрос: является ли растущая сложность *универсальной* характеристикой развития?⁵ Как ни странно, многие авторы не понимают, что не все процессы в системной самоорганизации обществ направлены на увеличение сложности и что критерием последней отнюдь не является технологическо-потребительский прогресс в новоевропейском понимании. В процессуальном плане и упрощение подсистем, и их дробление, и деструктивные, на первый взгляд, «расчистки» культурного пространства (эти процессы обычно трактуются как инволютивные), (как правило, выступают факторами развития, т. е. предпосылками или прямыми факторами последующего усложнения).

Так, согласно Г. Джонсону, в любой социальной структуре существуют некие организационные пороги, за рамками которых происходит либо увеличение сложности социополитической организации (более развитое и разветвленное центрообразование), либо дезинтеграция системы⁶. Другие исследователи показывают, как рост населения с необходимостью требует системного самоограничения числа потенциальных связей, т. е. жизнеспособность системы обуславливается ограничением увеличения сложности⁷ (здесь, впрочем, речь идет о сложности не структурной, а чисто количественной). При этом выбор пути самоограничения (о принципе самоограничения см. ниже) для всякого сообщества оказывается в некотором смысле судьбоносным: изменить историческую колею с каждым новым актом выбора становится все труднее. Так, абстрактная свобода сворачивается до все более и более конкретной, а абстрактная количественная сложность аморфной и слабо упорядоченной разнородности сжимается и «переупаковывается» в структурную сложность в рамках избранного направления.

Однако главная оговорка заключается в том, что в моменты скачковой смены конфигурации (см. ниже о вертикальном векторе эволюции), особенно на начальных стадиях этого процесса, на первый план выходит деструкция несущих опор материнской системы, поэтому немедленного достижения следующего порядка сложности не происходит. Или, иначе говоря,

⁵ Попытку построить многолинейную модель эволюционного развития в социальной сфере предпринял, в частности, Р. Карнейро. Однако различия между акцентировкой подобия социальных структур и институтов (однолинейный вариант) и различными путями социального эволюционирования (многолинейный вариант) сводится по сути лишь к нюансировке одних и тех же социокультурных явлений, а главное, к одним и тем же глубинным механизмам. Carneiro R. I. The Four facts of Evolution. In Honigman, J. J. (ed). Handbook of Social and Cultural Anthropology. Chicago. P. 89–110.

⁶ Jonson J. Organizational Structure and Social stress // Renfrew. C. et al. (ed). Theory and Explanation in Archaeology. N-Y., 1986. P. 389–421.

⁷ Hallpike C. The Principles of Social Evolution. Oxford University Press, 1986. P. 237–250.

путь к качественно новому уровню сложности лежит через ситуационную хаотизацию, о чем говорят синергетики.

Итак, если оставаться в пространстве примеров из социокультурной сферы и не сводить критерии развития общественных систем к росту производительности труда, совершенству технологии и прогрессу утилитаризма, то его (развития) режимы в любом случае будут замыкаться на увеличение сложности. Ибо развитие, как бы его ни понимать, всегда приводит к образованию инноваций и, соответственно, к дроблению и дискретизации первоначально синкретических образований. А это, в свою очередь, может служить самым общим, хотя и абстрактным критерием сложности.

Здесь уместно сделать последнюю, но не по степени важности (!) оговорку. В конкретном анализе любого рода структур и процессов нужно различать два вида сложности: *комплексную* и *синкретическую*. Первая связана с увеличением количества и структурных связей между раздельными и в той или иной степени автономными компонентами. Вторая — с процессами, протекающими в оболочке синкретической слитности. И этот второй вид сложности ничуть не проще, чем первый. И в этом нам предстоит неоднократно убеждаться, рассматривая синкретические формы культуры и ментальности.

В связи с этим можно предложить еще один критерий структурной сложности системы: если внешние воздействия на ту или иную подсистему отражаются *на всей системе*, то, стало быть, степень синкретизма еще достаточно велика. Если же подсистемы реагируют *относительно автономно*, значит, они достаточно обособились и система в целом качественно усложнилась.

Итеративное **уплотнение фронта эволюции** — от гигантских облаков космической пыли, через образование галактик, планетарных систем и далее: к геофизическим и геохимическим процессам на отдельной планете, а затем к биосистеме и АС, — прослеживается достаточно ясно. Однако выглядит это не как стягивание эволюционирующей Вселенной в одну-единственную точку, а как процесс, протекающий в бесконечном множестве пространственно-временных локусов. В наблюдаемой нами части Вселенной, вернее, в той ее части, применительно к которой можно говорить о наблюдении эволюционных процессов, межсистемные переходы — лишь «выходящие на поверхность» проявления уплотняющего вектора, перманентно оказывающего давление на систему и вызывающего в ней специфический комплекс процессов. К таковым можно отнести, прежде всего, периодически имеющие место фазовые «вторичные упрощения»⁸, переупаковку структур, повышение информационной концентрации элементов системы и особенно ее структурных узлов.

Наращивание структурно-функциональной сложности нацелено на снятие времени, а сжатие фронта эволюции — на *снятие пространства*, и эмпирическая нераздельность этих векторов связана с нераздельностью самого пространственно-временного континуума. Тенденция к уплотнению пространства эволюционного конфигурирования на каждом локальном уровне противостоит всепроникающим центробежным силам.

Морфологическая и структурно-функциональная дифференцированность, будучи одним из проявлений сложности, тем не менее целиком к ней не сводится и представляет собой относительно самостоятельный вектор. И здесь трансценденция ГЭВ предстает в облике имманентных процессов: специализации форм и структур развивающейся системы в их опять же совершенно имманентном устремлении к вписанию в среду, каковой выступает совокупность материнских систем. Начало процесса дифференцирования инициируется в микромире, где несепарабельные состояния под действием тех или иных интенциональных воздействий переходят в сепарабельные. Далее же вступает в силу органически присущая всякой системе направленность к неограниченному экспансивному росту, освоению всех возможных ниш в границах материнской системы, что и опосредует сквозную кумулятивную интенцию к дифференцирующему усложнению. Отсюда берет начало необратимый распад синкретиче-

⁸ Сухотин А. К. Наука и информация. М.: Наука, 1971.

ских (первоначально интегрированных) форм — один из общих для всех системных уровней эволюции процессов. В этой необратимости — гарантия невозможности полной инволюции к пройденным уровням; она невозможна никогда и ни при каких обстоятельствах. (Это подтверждается законами, выведенными на материале частных систем, например законом Долло о необратимости эволюции). В рамках отдельно взятой системы или на стыках межсистемных переходов возникают самые разные по своим причинам и режимам протекания процессы упрощения и структурно-функциональной редукции. Но в общеэволюционном масштабе попятное движение невозможно в принципе. И это лишний раз показывает, что сам дифференцирующий вектор не выводится из имманентных процессов системы, но, будучи им трансцендентен, опосредуется ими. В основе процесса дифференцирования (автономизации, обособления и т. п.) лежит эффект декогеренции квантовых суперпозиций, в результате которых появляются локальные классические объекты. Последние, будучи приторможенными «сгустками» интенциональных потоков, самоорганизуются в структуры и далее — в системы. При этом каждая из вовлеченных в эволюционный процесс структур, достигая определенного уровня сложности и отделения от целого, стремится воспроизвести в себе в наибольшей полноте характеристики исходного целого. В этом — одно из проявлений универсальности дезинтегративной силы, обнаруживающей себя через глобальный эволюционный вектор дифференцирования. Движущей же силой дифференциации выступает *принцип комбинирования*.

Вектор нарастания *субъектности* выражается в неуклонном повышении способности новообразованных систем к обратному влиянию на среду (прежде всего, материнскую систему), усилению автономности (в смысле возможностей саморазвития за счет внутренних противоречий), а также концентрации когнитивных потенций в отдельных элементах системы. На стадии *Культуры* этот вектор вызывает к жизни феномен *субъекта* с присущей ему способностью к рефлексии и когнитивному моделированию. Забегая вперед, скажу, что под субъектом здесь понимается не только человек, что само собой разумеется, но также и *сама Культура* как системное образование. Субъект, таким образом, не равен субъектности. Начала субъектности усматриваются и на микроуровне, и на уровне биообразований⁹.

Субъектность — общая тенденция, направленность ГЭВ, лишь на стадии культуры достигающая относительной самоадекватности.

Механизм становления субъектности задается действием упомянутого выше принципа центрообразования, когда структурная конфигурация некоего локального фрагмента пространственно-временного континуума организуется в окрестности определенной точки фокуса. Таковой может выступать на микроуровне энергетический узел, сгусток поля, на биологическом уровне — клетка, затем живой организм и по ходу разворачивания биосистемы — группы организмов, популяции. Поведенческо-ролевая дифференциация в популяциях высших животных совмещает точку — организующий центр (по крайней мере некоторые его функции) с отдельной особью. Например, у приматов в роли социального центра выступает альфа-самец. Вообще, примечательно, что «...в процессе эволюции повышалась степень целостности популяций и вида»¹⁰. Здесь мы наблюдаем дальние эволюционные подступы к тем уровням целостности и автономности, на которых будет проявлено историческое становление субъектности человека.

Центр, в силу разнообразных внутривидовых комбинаций и складывания «розы ветров» перекрестных взаимодействий, оказывается в позиции наиболее устойчивого элемента становящейся структуры. Он фокусирует в себе все ключевые векторы ее внутренних связей

⁹ К примеру, на генно-клеточном уровне: «Репертуар генома гибко формируется информационным контекстом в самой клетке. ... Клетка скорее постоянно импровизирует своими генами, чем стереотипно отвечает предсуществующим набором программ». *Репин В.* Геном человека прочитан, но не понят // Независимая газета НГ-Наука. № 3. 21 марта 2001 г.

¹⁰ *Завадский К. М.* Вид и видообразование. Л.: Наука, 1968. С. 205.

и неуклонно наращивает свойства субъектности: способности к автономному от внешней среды целеполаганию, к самоорганизации и рефлексии. Но проявляются эти свойства центра не в отрыве от всей структуры, а в контексте их нераздельного и взаимообуславливающего существования, где центр задает высшую точку и форму проявления самости, на которую способна выйти структура как целое.

Во всех системах до появления культуры фокусировка центра так или иначе уступала по силе центробежным периферийным силам структур, хотя их преобладание неуклонно уменьшалось. Становление культуры окончательно изменило это соотношение: с одной стороны, центр структурирования сместился в человеческий мозг, дав импульс историческому развитию индивидуальной самости, и, с другой стороны, открылась возможность развития субъектности самих культурных паттернов и входящих в них структур — институтов, традиций, смысловых комплексов и т. п. Но эту ситуацию не следует понимать как поражение центробежных сил: наращивание центрирующей самости в Культуре было оплачено усилением отпадения от реликтовой холономности «нижних» системных уровней.

Фактор наращивания субъектности и его максимизация в Культуре существенно затрудняет, а то и вовсе ставит в тупик попытки представителей естественных наук описать протекающие к Культуре/АС процессы с помощью таких эпистем, как *энергия* (в ее узко физическом понимании), *энтропия*, *метаболизм*, *равновесность*¹¹, *термодинамика* и др. Усилия редуцировать процессы АС к физикалистским самоорганизационным законам и схемам неизбежно приводят к парадоксам и путанице¹². Разумеется, вектор нарастания субъектности, не будучи, как и другие ГЭВ, задан провиденциалистски, может быть контекстуально редуцирован от суммы выражающих его естественных процессов. Но как целое, в своей транссистемной направленности, он из них никоим образом не выводится.

Обобщая все сказанное, можно сделать вывод, что рождение и эволюция структур происходят не путем «ползучего» приращения, постепенного добавления элементов в конфигурацию, которые, как это мнилось Дарвину, могли бы преобразовать кита в медведя. Напротив, имеет место симультанное (иного слова не подберешь) совпадение потенциальной имплицативной формы с совокупностью точечных «посюсторонних» элементов, готовых организовать в структуру и, тем самым, воплотить, опредметить имплицативный паттерн. Стремление формы (наличной структуры) к абсолютному совпадению со своим «запредельным» паттерном рождает один из важнейших аспектов диалектики существования любого рода образований: от физической и психической организации организма до макросистем. Здесь коренится и основание эволюционного *типологизма* (объясняющего пресловутую проблему отсутствия переходных форм), и дуализм того, что было принято называть материальным и идеальным (психофизический дуализм), и объяснение многочисленных спонтанных проекций паттернов когерентного мира в мир эмпирический. Достаточно вспомнить универсально распространенный в архаике (о более поздних временах не говорю) мотив двойственности всех вещей: наличия у каждой вещи или существа некоего незримого психического двойника, онтологически принадлежащего (хотя бы отчасти) иному, трансцендентному миру. Двойник этот, несомненно, есть не что иное, как посредник между каузальным и когерентным мирами, отношения с которыми определяют самые

¹¹ Так, авторы, работающие с синергетическим понятием равновесия, сталкиваются с серьезными трудностями уже при изучении живых систем (не говоря уже об АС). Оказывается, что живые системы далеки от равновесия (М. В. Волькенштейн), и потому, для частичного (не более!) применения к ним линейной неравновесной термодинамики, приходится вводить такие термины, как *околоравновесность*. *Гладышев Г. П.* Термодинамическая теория эволюции живых существ. М.: Луч, 1996.

¹² Триумф физикалистского подхода, подчас рождает своего рода анекдотические шедевры. См. напр.: *Бурдаков В. П.* Эффективность жизни. М.: Энергоатомиздат, 1997., где автор на полном серьезе пытается интерпретировать социальные проблемы России, исходя из законов термодинамики.

важные и глубинные стороны жизни: идентичность, саморефлексию и экзистенциальное¹³ самоопределение культурного сознания.

В самом общем и схематичном виде связь концепции медиации между двумя мирами с механизмом общеэволюционного процесса может быть сформулирована следующим образом:

— будучи универсальной для всех уровней и планов реальности, интенциональность осуществляет **всеобщий диалог онтологических модусов как потенциального, так и сущего;**

— рождение и эволюционирование новых структур в эмпирическом мире связано с актуализацией, «вытягиванием» их из мира потенциального в план наличного бытия *по дискретным точкам, интерференционным узлам, созданным интенциональными силами*¹⁴.

Актуализация эта обусловлена рядом обстоятельств: так, структуры некоего порядка сложности восприимчивы лишь к релевантным по отношению к ним интенциональным импульсам. Т. е. существует определенная корреляция между уровнем сложности определенченных структур и сложностью предсуществующих в имплицитивном мире структур следующего эволюционного уровня. При этом испускаемые ими «оттуда» интенции (импульсы) могут быть считаны «здесь» лишь структурами определенного онтологического порядка и уровня сложности. Поэтому скачки эволюции¹⁵ имеют ясно ограниченные пороговые величины, определяемые уровнем и формами проявления ГЭВ в материнской системе, ибо интенциональные импульсы более высокого порядка системой просто не воспринимаются. Этим объясняется стадияльно-поступательная компонента эволюционного движения, не знающего перепрыгивания через несколько ступеней. В единичных случаях имеют место и различного рода точечные прорывы за эволюционный горизонт, но в целом разбег эволюционного фронта — т. е. диапазон считывания паттернов скрытого порядка — определяется дельтой флуктуационной изменчивости «принимающих устройств» наличной системы.

Методология системных исследований в русле смыслогенетической теории культуры прежде всего открывает возможность избежать двойного тупика: механистического рационализма (МР) классической науки, с одной стороны, и постмодернистского релятивизма и фрагментаризма, с другой. При этом смыслогенетическая теория культуры строит свой самостоятельный дискурс, существенно различаясь с синергетикой, общей теорией систем (ОТС) и некоторыми другими направлениями системной ориентации. На общетеоретическом уровне выдвигается ряд принципиально новых основополагающих парадигм и постулатов.

Культура рассматривается как системное самоорганизующееся образование, обладающее свойствами **субъекта**, а ее имманентная эволюция — как звено в глобальном макроэволюционном процессе, и потому особую значимость имеет обращение к опыту естественных наук: прежде всего квантовой механики (КМ), а также космологии, биологии, нейрофизиологии и некоторых других. При этом выдвигается положение о **двунаправленности эволюционных процессов**: условно говоря, **горизонтальной и вертикальной**. Горизонтальная направленность связывается с механизмами адаптации и ответами на вызовы среды, тогда как вертикальная представляет собой итерационное движение глобальных эволюционных векторов (ГЭВ) — **усложнения, дифференциации, уплотнения эволюционного фронта и наращивания субъектности** в направлении их максимального самопроявления на материале той или иной эволюционирующей системы.

¹³ Термин *экзистенциальность* здесь и далее употребляется вне связи с традицией экзистенциальной философии, т. е. как фигура теоретико-культурного, а не философского дискурса.

¹⁴ Разумеется, КМ рисует гораздо более сложную и многофакторную картину. Но я позволю себе не погружаться в анализ полемики между различными квантовыми теориями.

¹⁵ При всем уважении к респектабельной традиции представлять эволюцию в виде плавного «накопительного» процесса, нельзя не заметить, что эта самая плавность при ближайшем рассмотрении представляет собой последовательность скачков, хотя бы и сколь угодно малых.

Антропогенез и культурогенез — пример такого итерационного вертикального эволюционирования, состоящего в межсистемном переходе от материнской биосистемы к антропосистеме (АС). Таким образом, финальной (в Аристотелевом смысле) причиной возникновения АС явилась очередная «неудовлетворенность» ГЭВ тем уровнем своего самопроявления, который был достигнут в биосистеме на стадии высших млекопитающих. Как и в других случаях захождения в тупик горизонтального вектора эволюции, ГЭВ осуществляют вертикальный переход, находя в материнской системе наименее специализированные формы и «выталкивая» их посредством серии ароморфоз в новое эволюционное качество. Таковыми стали приматы и развившиеся из них гоминиды, а само «выталкивание» на них сказалось тяжелейшими физиологическими и психическими патологиями — **эволюционной болезнью**.

В связи с проблемой антропогенеза и формирования человеческих форм когнитивности переосмыслиется значение **межполушарной функциональной асимметрии (МФА)**. Этот феномен понимается как локомотив системных нейрофизиологических и когнитивных трансформаций в ходе антропогенеза, а также как полускрытый фактор, подспудно детерминирующий дальнейшую эволюцию культуры и человеческой ментальности. По мере бурного роста неокортекса в ходе антропогенеза единственным ответом на разбалансировку животных режимов правополушарной перцептивности было компенсаторное развитие левой гемисферы. В русле этого процесса началась самонастройка пораженной эволюционной болезнью психосоматической сферы гоминид. Эволюционным результатом этой самонастройки стало формирование такого психического/когнитивного режима, в котором сложное взаимодействие правой и левой гемисфер с необходимостью породило незнакомый биопсихике **феномен смысла**, положив тем самым начало развитию человеческой ментальности и новой системы — Культуры. Концепция смыслогенеза и организации смысловых структур в их психофизиологических и собственно культурных аспектах — сердцевина всей смыслогенетической теории. Смыслогенез — процесс, связывающий сферу человеческой ментальности с самоструктурированием ЛКС (локальных культурных систем) в истории. Поэтому различия между регионально-историческими версиями/модификациями культуры коренятся в различных способах образования смысловых структур и оперирования ими. Отсюда проистекает важнейшее положение: разным типам культурно-исторического бытия соответствуют разные культурно-антропологические типы человека (миф об абстрактном «философском» человеке решительно отвергается).

В рамках разработки концепции сопряжения биосистемы и Культуры посредством смыслогенеза вводится модель преобразования — **конвертации** биопрограмм в культурные практики. Суть ее заключается в том, что проходя «конвертор» смыслогенеза, программы животного поведения «развинчиваются» на подвижные и относительно релятивные компоненты, которые по ту сторону «конвертора» «свинчиваются» в новой конфигурации, приобретая при этом качественно иную онтологию. Последняя имеет открытый характер, т.е. любой смысловой конструкт способен продуцировать бесконечное множество семантем на основании комбинаторного оперирования релятивными смысловыми элементами. При этом структурно-операционной основой комбинирования выступает **бинарный код**.

Значение последнего универсально не только для культурно-смысловой сферы, но также и для любого структурообразования вообще. Бинарный код органически присущ человеческой психике, но лишь в сфере мышления он эксплицируется в самоадекватной — семантической форме.

Проблема сопряжения биосистемы и Культуры заставляет обратиться к самым глубинным основаниям известной нам реальности. Здесь смыслогенетическая теория отталкивается от современных квантовых представлений, трактующих реальность как двойственную и построенную на «контрапункте» **бытия потенциального** (мир когерентных квантовых суперпозиций) и **бытия сущего** (мир физической реальности). Наиболее релевантными смыслогенетическому дискурсу оказываются понятия **имплицативного** и **эмплицативного** (наличного/осуществленного) **порядков** в (термины Д. Бома). В контексте взаимоотношений между мирами особое

значение приобретает проблема **медиации**. Последняя выступает непреложным условием **любого рода существования**, ибо лишь в ходе медиации — интенционально-энергетического взаимодействия во времени происходит экспликация (распаковывание) паттернов ИМ (импликативного мира) в наличные/наблюдаемые феномены. Для обозначения сферы медиации вводится понятие **психосферы**, и в центр внимания попадает тот ее локус, который связан с зоной сопряжения биосистемы и Культуры. В ходе анализа форм и режимов психосферной медиации (ПМ) рассматриваются разнообразные психосферные явления и феномены, многие из которых традиционно относятся к сфере так называемых паранормальных явлений и игнорируются академической наукой. Заявляя, что отбрасывать этот колоссальный по объему и значимости для понимания Культуры материал более невозможно, смыслогенетическая теория имеет смелость предложить свою модель объяснения вне рамок МР, но и не впадая в паранауку, религиозное доктринерство или мистику. Особое значение в контексте культурогенеза приобретает интерпретация **феномена магии** и связанных с ней явлений.

Концепция ПМ предполагает, что первичной и фундаментальной задачей любой новообразованной в ходе глобальной эволюции системы является установление каналов интенционально-энергетических взаимодействий с ИМ. И каждая из систем эту задачу решает в соответствии со своей имманентной природой. Это относится и к Culture; стремление человека постичь сущность запредельного, порыв сознания к трансцендированию — это всего лишь видимая часть айсберга тех подспудных медиационных процессов, которые пронизывают все стороны бытия человека в Culture. Именно усложнение и совершенствование режимов ПМ, неразрывно связанное с его содержанием, а вовсе не бесконечное наращивание неких абсолютных показателей, совокупно связываемых с утилитаристски понимаемым прогрессом, выступает, согласно смыслогенетической теории, двигателем культурно-исторической динамики. Динамика эта нелинейна, т. е. сходные уровни сложности ЛКС достигаются разными путями и в разных (альтернативных) эволюционных формах. Это впрочем, не отменяет *стадиального* измерения в эволюции культур. Но критерием стадиальности выступают опять же не отдельно взятые внешние показатели прогресса, понимаемого в ценностной сетке критериев современной «экономической цивилизации», а степень «продвинутости» тех или иных ЛКС в мейнстриме ГЭВ. А здесь показателем выступают не *сами формы культурного бытия* — они для каждой ЛКС самодостаточны и не подлежат оценке с точки зрения инокультурных критериев, — а настройки и режимы ПМ, которые обеспечивают ей жизнеспособность.

Всеобщий принцип дуализма обнаруживает себя в АС в бинOME *человек — Culture*. При этом и человек, и сама Culture проявляют **субъектные свойства**.

Разница субъектных потенциалов в этом бинOME и возникающие при этом противоречия — главный двигатель имманентного развития АС. Главное из этих противоречий заключается в том, что человек органически стремится вернуться из дуализованного и потому продуцирующего перманентное отчуждение мира культуры в спасительное лоно непротиворечивого, недуального существования. На онтогенетическом уровне глубинная память об этом восходит к внутриутробному состоянию, на филогенетическом — к состоянию предшествующему антропогенезу. В погоне за **абсолютной партиципацией** — окончательным экзистенциальным слиянием и природнением к универсуму человек создает смыслы, знаки, артефакты — ситуационные адресаты партиципации, являющиеся «кирпичиками», из которых строится тело Culture. Абсолютная партиципация — недостижимый горизонт, к которому априорно устремлена человеческая экзистенция. Но партиципационное слияние с *иным* всегда оказывается временным, ситуационным и неизменно распадается, вновь заставляя человека испытывать чувство отчужденности.

Но энергия человеческого устремления к горизонту абсолютной партиципации, воплощаясь в разнообразнейших культурных практиках, «цинично» используется Culture для решения ее собственных задач: развития и структурирования своих многочисленных подсистем. Таким

образом, человек и Культура пребывают в неизбывном симбиозе-противоборстве. Концепт избавления от противоречивого и травматичного бытия в Culture воплотился во множестве мифологем и религиозных идей от первобытного спиритуализма до эсхатологии религий спасения.

Бесконечная устремленность к абсолютной партиципации и невозможность таковой — своеобразный *perpetuum mobile* AC — внутренний источник ее ароморфоз и любого самодвижения вообще. Выход из этой симбиотической ловушки (теоретически такую возможность исключить нельзя) был бы для человека выходом из Culture, прорывом в некое новое надчеловеческое качество, да и культура тоже стала бы чем-то существенно иным.

Пока же этого не произошло, человек и Culture продолжают пребывать в противоречивом сосуществовании, ставя и решая собственные, несовпадающие задачи. Хотя самая глубинная задача — совпадает. Это установление и настройка каналов ПМ.

Culture как системное образование — не более чем одно из промежуточных звеньев в цепи глобальной эволюции. Поэтому никакой конечной в метафизическом смысле цели она иметь не может, как не может иметь конечной цели и сама эволюция. На уровне философских спекуляций можно предположить, что целью Culture является самоснятие и переход в новое, более «продвинутое» эволюционное качество. Но эта абстрактная формула мало что помогает понять в конкретно исторических культурных процессах. Здесь мы имеем дело с разномасштабными, но все же обозримыми временными конъюнктурами, в которых ЛКС решают разнообразные имманентные задачи. Характер этих задач определяется как уровнем сложности структурной конфигурации самой ЛКС, так и стадийными характеристиками ментальности человека — создателя и носителя смыслов. При этом влияние ментальной конституции человека на имманентные задачи его культурной системы проявляется не прямо, а косвенно, опосредованно; напрямую ставить и осознавать человек может лишь свои человеческие цели. Цели же ЛКС, как и ее системные основания, от человека скрыты. Culture, таким образом, понимается не просто как некий объект, пространство или набор программ, но прежде всего как **субъект, наделенный способностью к саморазвитию, рефлексии и целеполаганию**.

Что же касается внешнего исторического контекста, то он сам по себе никаких задач ЛКС не создает, но лишь влияет на их реализацию. Поэтому в статье акцент делается на анализе автоморфических, а не спровоцированных средой ароморфоз ЛКС. Логика автоморфических эволюционных изменений раскрывает содержание генома ЛКС, который, разворачиваясь в историческом бытии, корректируется внешними, «фенотипическими» факторами.

Важное место в анализе культурных систем отводится выявлению алгоритмов культурной динамики, обусловленной ритмическими чередованиями доминант интегративных и дезинтегративных состояний. В этот большой ритм «упаковываются» ритмы малые, регулирующие отношения ядра ЛКС и неуклонно отпадающих от него, в силу действия вектора дифференцирования, подсистем.

Существенная особенность смыслогенетического подхода истории состоит в установлении/реконструкции **органической связи между структурными конфигурациями культурных систем и ментальной конституцией человека**. Решительно отбрасывая миф о культурно-антропологическом единстве человечества, смыслогенетическая теория стадийному эволюционированию культурных систем ставит в соответствие эволюционирование человеческой ментальности.

А системные изменения последней имеют психофизиологическую основу. Впрочем, по ходу истории обратное воздействие культурных факторов на психофизиологическую конституцию возрастает.

Исходя из макродинамики изменений психофизиологических структур и ментальных конституций человека, в истории я выделяю следующие периоды.

Ранний культурогенез — от олдувая до конца палеолита, период становления первой в истории культуры макросистемы — **мифоритуальной**. Этот громадный по протяженности период

отмечен безраздельным «атавистическим» господством правополушарной когнитивности со слабым, но чрезвычайно болезненным включением левополушарных техник, роль которых тем не менее неуклонно возрастает. К верхнему палеолиту формируется и базовый культурно-антропологический тип, соответствующий мифоритуальной системе, — **родовой индивид**.

Неолит — сердцевина архаической эпохи, период во многих отношениях переломный. В неолите была предпринята первая попытка правополушарного реванша, вызванная кризисными последствиями нарастания левополушарной когнитивности и соответствующего бурного изменения культурных практик. Стремление нейтрализовать левополушарную когнитивность не могло иметь стратегического успеха, поскольку шло против еще доминировавших в то время факторов имманентной нейрофизиологической эволюции. Но результатом неолитической революции стало разблокирование первобытного табу на **комплексное расширение совокупного культурного ресурса**. А это, в свою очередь, предопределило последовавший вскоре прорыв к цивилизации.

Эпоха ранних цивилизаций (классический Восток) отмечена бурным развитием левополушарной когнитивности, приведшей к системному кризису и распаду мифоритуальной системы. Период с конца II тыс. до н.э. по VII в. — эпоха **Дуалистической революции** (ДР) — первый полностью завершившийся межсистемный переход в истории Культуры. В этот период установилось левополушарное доминирование и утвердилась **логоцентрическая макрокультурная система**. При этом фазы логоцентрического синтеза, отмеченные **модельными центрами** новых цивилизационных ареалов, выстроились в своего рода дугу в порядке убывания компромисса с мифоритуальным синкретизмом и, соответственно, выраженности левополушарного доминирования и становления структурной жесткости бинарного кода в различных семантических формах. Принцип логоцентризма проявляется все сильнее по мере движения от одного модельного центра к центру. Прогрессия здесь такова: Индия — Китай, Иран — Иудея, Греция. Далее — христианская и исламская цивилизации, в которых логоцентризм достигает наиболее зрелых форм.

Соответственно формируются и занимают господствующее положение новый тип ментальной конституции, основанной на левополушарном доминировании, и ее субъект-носитель — **логоцентрик**. Исходя из этого, дальнейший мейнстрим исторического процесса складывается на основе компромисса между нисходящей мифоритуальной и восходящей логоцентрической линиями. В эпоху ДР родился еще один антропологический тип — **личность. Человек** этого типа — носитель наиболее сложно организованной, трехслойной ментальности, появился как бы «на вырост»: долгое время личность существовала точечно и положение ее по отношению к господствующей логоцентрической культуре было подчиненным. Личность же являет собой культурно-антропологический тип, который в своем развитии устремлен **к выходу из логоцентрической системы**.

Исторически проявленные формы этого устремления обнаружили себя в *революции личности*, когда три фазы культурно-исторической динамики: Ренессанс, Реформация и Просвещение — впервые сформировали цивилизацию, ориентированную на личность, — новоевропейский Модерн. В культуре Модерна принцип левополушарного доминирования достиг своего апогея. Но апогей апогею рознь.

Самой последовательно логоцентрической цивилизацией является исламская. Что же касается Европы, то здесь апогей логоцентризма — это пик, за которым следует вертикальный эволюционный прорыв в новое системное качество. В отличие от индивида и логоцентрика, личность — тип незавершенный, переходный: на протяжении всей своей истории она «выламывается» из логоцентрических рамок.

Иными словами, «неправильные» логоцентрики — западные европейцы создали цивилизацию, базирующуюся на резко выраженном левополушарном доминировании, но при этом вырастающую из логоцентрической матрицы. Пиком господства этой цивилизации стали XVIII–XIX вв. В XX в., особенно во второй его половине, наступает кризис левополушарных

когнитивных стратегий. Этот кризис охватил и западную философию, и науку, и искусство, и религию, и политику, и в той или иной мере все иные сферы культуры.

Закономерным образом в конце XX — начале XXI в. становятся заметны проявления «правополушарного реванша», который на этот раз протекает в русле имманентных законов нейрофизиологической эволюции. Последние, впрочем, на современном этапе эволюции уступают определяющую роль в формировании ментальности культурным факторам. На смену «людям Слова» приходят «люди Цифры» — носители *новой естественности* — ментальной конституции, основанной на «восстановленном в правах» правополушарном доминировании. Разумеется, ни о каком прямом возврате к мифоритуальной ментальности речи не идет; можно говорить лишь об ее типологическом аналоге на новом эволюционном витке. Разумеется, все рассуждения о смене полушарного доминирования не следует понимать упрощенно и механистически: сложные изменения происходят не только в самих гемисферах, но, что в конечном счете самое главное, в характере обмена данными и взаимодействием между ними. Ведь смысл как единица культуры и сознания есть слепок именно этого самого взаимодействия, а не механической суммы функций двух полушарий.

Исходя из наблюдаемых тенденций системного кризиса, в рамках смыслогенетического подхода можно спрогнозировать, что культурный синтез нового системного качества совершится на основе дальневосточной (плюс Индия) и частично евроатлантической цивилизаций. Но это — внешнее.

На наших глазах новая естественность лишь только выходит из оболочки уходящего логоцентризма, и новое системное качество этого культурно-антропологического типа еще в полной мере не проявилось. Но уже через два-три поколения оно может окончательно завоевать лидирующие позиции. Человек новой естественности — носитель следующего уровня ментальной сложности. Ментальная сфера превращается в **более автономную и самодостаточную систему**.

Общезволюционный фронт проходит еще одну фазу уплотнения и локализуется теперь в ментальной сфере человека, а сам человек из элемента системы превращается в систему в системе. Впрочем, автономность эта, как всегда, относительна, ибо здесь, как и на всех предшествующих витках эволюции, детерминизм материнской системы, в данном случае Культуры, не подавляется полностью, а просто смещается в фоновый режим существования дочерней системы. Я не беру на себя смелость говорить о посткультурном существовании человека — это было бы безответственным фантазерством. Но допустимо предположить, что для той части человечества, которая перейдет к новому системному качеству, этот переход будет состоять в затухании всех традиционных противоречий и коллизий в оппозиции *человек — Культура*, а фронт продуктивных эволюционных противоречий переместится в сферу человеческой ментальности. Такого рода тенденции проявляются уже достаточно широко.

Так, если движущей силой культурогенеза было (и пока еще остается) стремление человека восстановить последовательно утрачиваемую включенность во всеобщую эмпатическую связь (ВЭС) в ее естественных формах, то сейчас эта включенность приближается к своему воспроизводству в формах технологических — посредством электронно-сетевых связей. А развитие нанотехнологий, вероятно, сможет технологически реконструировать ВЭС в объеме, соотносимом с первоначальным естественным, хотя, разумеется, уже с иным набором функций. Если это произойдет, то можно будет говорить о диалектическом снятии Культуры как системно-эволюционной формы и посткультурном существовании нового субъекта — уже по меньшей мере не вполне человека.